

Увидев, как Мао Бай сонно открывает глаза, Лю Яоцин с раздражением сказал:

— В комнате не холодно. Я учил тебя спать на ветке, как это любят птицы, а ты упорно спишь, как человек. Ты вообще птица?

Широко зевнув острым клювом, Мао Бай перекатился в сторону и продолжил спать.

— Он просто хочет быть ближе к тебе.

Чжэцзы-гэ стоял у кана, с тоской глядя на одеяло Лю Яоцина.

— Полезай.

Лю Яоцин сам забрался под одеяло Син-гэ, а Чжэцзы-гэ предложил свое.

Это был первый раз, когда они оставались в одной комнате и спали на одном кане. Хотя каждый был под своим одеялом, Чжэцзы-гэ был доволен. Он с тоской смотрел на Лю Яоцина, пока тот не заснул, и только тогда закрыл глаза.

После такого близкого, почти ритуального сна на кане, Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ стали еще ближе, хотя сами этого не замечали.

«У ростков кукурузы начали появляться початки, нужно провести опыление», — размышлял Лю Яоцин. В теплице все было иначе, чем снаружи: ветер был слабым, не было бабочек или мотыльков...

Нельзя было просто открыть теплицу, чтобы ветер сделал свое дело. Когда все ростки кукурузы были посажены, их плотность была высокой, и естественное опыление могло не состояться.

В итоге Лю Яоцин придумал способ: специальные бумажные пакеты надевались на верхние початки, а нижние рыльца тоже закрывались пакетами. Хотя это требовало много ценной белой бумаги, другого выхода не было.

Через день пыльцу из верхних пакетов аккуратно стряхивали в нижние, после чего пакеты завязывали.

Эта работа требовала аккуратности, чтобы не повредить рыльца. С утра до вечера четверо мужчин успели обработать лишь небольшую часть, а времени терять было нельзя. Пришлось работать при свете факелов до глубокой ночи.

— Бао-гэр, сегодня вечером можешь не оставаться, завтра я приду, и мы вместе продолжим.

Лю Яоцин закончил с последним пакетом и предложил всем отдохнуть.

Снаружи выл холодный ветер, и Лю Яоцин, только выйдя из теплицы, вздрогнул от холода.

— Бао-гэру и его дедушке повезло, в теплице сейчас топят подземное отопление, тепло.

Лю Яоцин сказал это, но не стал занимать место Бао-гэра.

Недалеко был их дом, и кан там наверняка был тоplen.

Сняв свою верхнюю одежду, Чжэцзы-гэ укутал в нее Лю Яоцина и, шмыгнув носом, сказал:

— Пойдем быстрее.

У дверей дома Лю Яоцин обернулся и в лунном свете увидел блестящие глаза Чжэцзы-гэ. Его нос, вероятно, покраснел от холода, но руки были горячими. От горы до их дома нужно было пройти еще немного, и холодный ветер, дувший из гор, казался особенно ледяным. Лю Яоцину стало его жалко.

— Может... Чжэцзы-гэ, сегодня переночуешь здесь? — подумав, предложил Лю Яоцин. — Кан большой, места на троих хватит.

— Хорошо.

Чжэцзы-гэ снова шмыгнул носом.

Кан в комнате был горячим, а в очаге тлел огонь, которого должно было хватить до утра.

Достав из шкафа новое одеяло, Лю Яоцин постелил его с краю, предложив Чжэцзы-гэ спать на краю кана, сам лег в середине, а Син-гэ — с другой стороны. Все были настолько уставшими, что уснули мгновенно и проснулись почти к полудню.

Под одеялом Лю Яоцина лежал теплый пушистый комок. Вытащив его, он увидел Мао Бай, который снова спал, подражая людям, свернувшись клубком.

Син-гэ уже встал, его одеяло было аккуратно сложено у края кана, а Чжэцзы-гэ все еще лежал, укутанный в одеяло, но уже переместился в центр, плотно прижавшись к Лю Яоцину.

— Иди поиграй с Эр Хацзы.

Бросив Мао Бай на край кана, Лю Яоцин встал и посмотрел на Чжэцзы-гэ. Тот спал, не замечая ничего, его лицо было красным, а при прикосновении оказалось горячим.

Оказывается, вчера вечером голос Чжэцзы-гэ звучал иначе, потому что он заболел.

Быстро одевшись, Лю Яоцин взял деньги и пошел в деревню за врачом. Когда он вернулся, Чжэцзы-гэ уже проснулся. Его лицо было слегка красным, возможно, из-за болезни, а глаза блестели.

Такого Чжэцзы-гэ Лю Яоцин видел впервые.

— Холод проник в тело, ничего серьезного. Пропейте несколько отваров, пропотейте, и все пройдет, — сказал врач. Он не стал выписывать рецепт, а сразу дал готовые травы. В последнее время многие в деревне топили свои каны, дома было тепло, но стоило выйти на улицу, как можно было простудиться. Легкие случаи проходили сами, а тяжелые требовали лекарств.

Сейчас денег у них было достаточно, так что можно было не экономить на лекарствах.

Уложив Чжэцзы-гэ, Лю Яоцин взял глиняный кувшин и пошел разжигать огонь во дворе. С трудом найдя мелкие дрова и сухую траву, он попытался зажечь их огнем, но огонь не разгорался, а дым валил клубами, заставляя Лю Яоцину течь слезами и сморкаться.

— Гэр Яоцин, я позвал маму.

Син-гэ вбежал и вытащил Лю Яоцину наружу. Ли-ши подошла, повозилась с очагом несколько минут — и огонь вспыхнул ярко. Дым ушел в трубу, и в комнате снова стало чисто и свежо.

Вытерев глаза, Лю Яоцин спросил:

— Как ты так вовремя пришел?

— Чжэцзы-гэ попросил.

Син-гэ должен был идти работать в мастерскую лепешек, поэтому не стал задерживаться. Лю Яоцин, конечно, не знал, что Чжэцзы-гэ уже проснулся утром, когда встал Син-гэ, и попросил его позвать Ли-ши ближе к полудню.

— Как себя чувствуешь?

Лю Яоцин сел на край кана и потрогал лоб Чжэцзы-гэ. Он все еще был горячим.

— Ничего.

Чжэцзы-гэ шмыгнул носом, спрятав половину лица под одеяло, и хихикнул:

— Гэр Яоцин, сегодня ты очень красивый.

— Это у тебя глаза слепятся.

Видя, что Чжэцзы-гэ в хорошем настроении, Лю Яоцин поспешил умыться. Утром он не успел привести себя в порядок, волосы были растрепаны, и сейчас он точно не выглядел хорошо.

Сходя в теплицу, он увидел, что сегодня работа легче, и справятся без Чжэцзы-гэ.

Вернувшись, он обнаружил, что Ли-ши уже приготовила лекарство. Лю Яоцин наблюдал, как Чжэцзы-гэ, морщась, выпил горький отвар, и быстро достал конфету.

— Съешь конфету, чтобы сладко стало.

— Сладко.

Чжэцзы-гэ держал конфету во рту и улыбался Лю Яоцину, прищурив глаза.

Вскоре после ухода Ли-ши в комнату вбежал Юй-гэр.

— Гэр Яоцин, я слышал, Чжэцзы-гэ заболел.

Он подошел к кану, посмотрел, но ничего особенного не заметил, и вздохнул:

— Чжун-гэ искал тебя в мастерской лепешек, но тебя не было.

— Что случилось?

Лю Яоцин нахмурился, вспомнив о той семье.

— Дело в дровах, — Юй-гэр сказал с серьезным видом. — Они приходили и ко мне, и к моей маме.

— Пойдем посмотрим.

Лю Яоцин не собирался рассказывать Ли-ши и Лю Цюаньцзиню, он сам разберется с делами третьей ветви рода. Юй-гэр, очевидно, думал так же и вообще не сказал об этом Шэнь-ши. Они

с Чжун-гэ спустились с горы и вошли в деревню.

Сейчас было очень холодно, и те, чье положение было не столь бедственным, уже надели теплую одежду. Даже если у них не было меха для зимней куртки, они надевали два-три тонких халата, чтобы хотя бы защититься от ветра. Чжун-гэ же был одет в тонкие штаны, оставляющие щиколотки открытыми, и длинный халат, но всего в один слой, и он дрожал от холода.

На самом Лю Яоцине был меховой жилет, сшитый из шкур, которые накопил Чжэцзы-гэ. Как только наступили холода, он отнес меха Ли-ши, и она сшила этот жилет. Из остатков меха Ли-ши собиралась сделать зимой куртку, штаны и обувь для Лю Яоцина; в свободное время она брала в руки иголку при любой возможности.

Даже Юй-гэр был одет в несколько слоев старой одежды, переделанной Шэнь-ши, и сейчас не мерз.

Все члены семьи были дома, но кан в главной комнате был холодным. Лю Яоцин, войдя, сразу нахмурил брови: в такое время не топить кан — настоящее мучение.

— Что случилось? — спросил Лю Яоцин.

— Это ты, Гэр Яоцин? — заговорила Вэй-ши. В ухе у нее блестела серебряная сережка размером с фасоль, а прическу украшала серебряная шпилька с подвесками. С улыбкой на лице она говорила быстро и четко:

— У нас у входа есть запас дров, но сейчас кажется, что на зиму их может не хватить. Чжун-гэ подумал, что нужно придумать что-то, ведь зиму как-то нужно пережить.

У Вэй-ши было лицо овальной формы и слегка узкие глаза — вид у нее был умный и проницательный.

Когда Лю Яоцин входил, он тоже заметил дрова у входа: он забрал треть, а оставалась теперь меньше десятой части. Этого не хватило бы даже на полмесяца, не то что на всю зиму.

<http://bllate.org/book/16688/1531979>